

Все люди как люди, а мы – как на блюде!

Актриса Тамара Селиванова рассказывала, как однажды ее мать пошла на рынок и встретила знакомую. Разговорились, стали вспоминать о детях, и знакомая поинтересовалась, где, мол, дочь, кем работает.

Мать с гордостью сказала, что дочь - актриса в кукольном театре. В ответ раздалось громкоразочарованное:
- Тю, за пятак хрюкать!

Действительно, что это за профессия такая - хрюкать за пятак и всю жизнь играть зайчика-загрызайчика? И что хорошего в такой работе находят люди? И где они, такие люди, водятся? И водятся ли вообще?

В Нашгороде такие уникалы обитают на первом этаже жилого дома по Свердлова, 62. Потому что именно там вот уже тридцать пять лет живет ТЕАТР, в котором играют два равновеликих состава - люди и куклы.

За три с половиной десятка лет это, пожалуй, единственный в городе коллектив, что вышел к славной дате без кадровых потерь. И многие тогдашние пузыри, сегодня умильно поглядывая то на собственное чадо, то на сцену, внезапно округляют глаза и морщат лоб:

- Боже мой... Не может быть! Те же лица! А как я тогда смеялся над этой лисичкой!

Актерский труд - не хиханьки да хаханьки! Недаром вошедший по воле случая в собственную постановку режиссер Койфман, весь взмыленный и запутавшийся в марлевом балахоне, сердито ворчал: «Какой дурак поставил этот спектакль!» А актеры-партнеры с торжеством в голосе шептали: «Ай-ай, Маркс Саныч, Снега ведь не разговаривают!»

Монтировщик сцены, сбежавший в кукольный из оперетты, как ему казалось, на более легкую работу, весь первый день ходил за ширмой в тапочках и согнувшись. На второй день он сел на бюллетень с радикулитом, а потом и вовсе уволился. Нет, говорит, там декорации поставил - и сиди, а здесь... И только рукой махнул.

Парадокс «Золотого ключика» и в том, что труппу единомышленников в разное время вели за собой множество режиссеров - Койфман, Митрофанов, Фридман, Иванов, Сенков, Тихонюк, Пермяков. Каждый заставлял актеров рождаться и умирать всякий раз заново, будь то детская пьеска, древнее сказание или античный трагифарс («Вот Митрофанов «Яйцо» поставил, так поначалу никто не мог узнать, у кого какая роль! Высший пилотаж!» «А Иванов что делал!» «А Пермяков - вообще...»). Но режиссеры приходили и уходили, а труппа оставалась.

Десять лет подряд, двадцать, тридцать... Были и удары, и потери. Однажды утонули сразу трое из труппы. Но расслабиться не дали ни на секунду, и, хотя в ушах еще звучали знакомые голоса, на сцене все также шалили куклы, а за ширмой привычно стояли, сидели, летали люди-невидимки.

- Театр без нас не умрет! - говорят они. - Это как шестеренка - одно колесо цепляется за другое, и пошло-поехало...

Но, с другой стороны, искусство одно, а сколько жертв! Ни выходных как у людей, ни зарплаты («увидеть аванс - и умереть!»). За тридцать с лишним лет - одно на весь театр звание Заслуженного. А помещение! Над этим уже смеется весь город. Сначала - нате «Спартак», потом - нате «Родину»... Надавали - не унести! Теперь вот, говорят, нате верхний этаж над театром. А зачем же тогда ремонт фойе делали? - Так это еще когда-а «нате», не скоро! Опять надейся и жди!

У них нет заносчивости театральных прим, сколько бы лет они не отдали сцене. Устраивать творческие истерики, биться за главную роль, раскалываться на мелкие группки - право же, это так нелепо! Да куклы просто засмеют! Им, «закрытым», рукоплескали многие «открытые» города, их игрой восхищались финны, немцы, швейцарцы и индийский гость. А они, что особенно символично, до сих пор обитают в театре, который находится в общежитии. Общежитие как образ жизни, как собственный стиль...

«Золотой ключик» - это большая дружная семья. Работники невидимого фронта такие же звезды, как и актеры. А как же иначе? Бессменный портной, а потом и билетер Александра Коркина, помреж Лидия Прокопенко, педагог Галина Люлько, художник Татьяна Кислова, местные папы Карло - бутафоры Екатерина и Сергей Соммеры, художник-бутафор Вера Бычкова, замдиректора Анна Мандрыгина, кассир Галина Кулакова, два Олега - звукорежиссер Будник и монтировщик сцены Пыщев... Да-да, еще не забудьте Наташу Лимбах, она у нас в декрете, но к Новому году уже написала сценарий... Да не забудем, не забудем!

Тридцать пять - говорят, дата не особенно круглая. Квадратная какая-то. Да и выборы на дворе - какие могут быть юбилеи, когда очень заслуженные и не очень сражаются за место в парламенте. Поэтому - никаких торжеств! А они и не в обиде. Устроим, говорят, свое, домашнее празднество, посидим, посмеемся, подурачимся, а завтра - вновь на сцену. Хрюкать за пятак!

Светлана КОРШУНОВА.

Редакция «СГ-26» от души поздравляет коллектив кукольного театра «Золотой ключик» с тридцатипятилетием и желает побольше творческих удач, по хорошему «сдвинутых» режиссеров, кучу денег и увлеченных зрителей!

НЕСКОЛЬКО БАЕК ОТ ДОБРЫХ БАБАЕК

Сергей БУРДО (домашний Карабас-Барабас):

- Как-то на выезде мы с Леонидом Лалицыным играли двух охотников. По ходу действия один из фонарей на сцене взорвался, и осколки впились мне в лицо и в глаза. Но я честно доиграл свои пять минут! Из-за ширмы все шипели: «Только не моргай, только не моргай!»

Думаю, детишкам надолго запомнился охотник с выпученными немигающими глазами...

Тамара КУХЛЕВСКАЯ (Заслуженная артистка России и первая скрипка среди таких же равных «страдивари»):

- Каждое утро перед спектаклем хожу по квартире и громко отрабатываю дикцию:

- Мна-мне-мну... Мна-мне-мну...

Один раз сосед за стенкой все-таки не выдержал:

-Тамара Константиновна, ну что Вы там все время мнете?!

Сергей ПРОКОПЕНКО: (местный Кулибин и большой скромник)

- В «Балладе о бессмертной трубе» есть такой эпизод. Немцев окружили в крепости, они сидят и думают, что делать. Шульц говорит:

- Надо сдаваться!

А Ганс ему в ответ:

- Как сдаваться-то?! У меня же РУКИ ПО КОЛЕНУ в крови!

Любовь ЛОПАТИНА-ГОРОХОВСКАЯ-БАЛТИНА (о как!):

- Из-за невысокого роста и вечно стройной фигуры на новогодних утренниках я играю Снегурочку. Боже мой, чего только на этих праздниках не насмотришься и не наслушаешься! Однажды, в эпоху «у нас секса нет» на середину зала вышел крошечный клоп и громко порадовал всех загадкой:

- Что ты смотришь на меня,

Раздевайся, я твоя!

Лица у родителей вытянулись, я, лучезарно улыбаясь, взяла его за руку и, пока Дед Мороз шутками-прибаутками заполнял возникшую паузу, повела по остекленевшим рядам:

- Это чей мальчик? Чей мальчик?

А юный эрудит, так и не дождавшись ответа, также громко просветил зал:

- Кро-вать!!! Журнал «Мурзилка»!

Н-да, дети - это еще тот юмор! Но еще больше умиляли родители, которые вели своих чад на десятичасовой утренник ПЕРВОГО ЯНВАРЯ! Тут уж, как говорится, «елка пахнет мандарином» и кое-чем иным...

Василий ХОДАКОВ (по выражению режиссера Фридмана, «незаслуженно незаслуженный»):

- В свободное от творчества время (дружный смех окружающих - прим. авт.) я работаю в зоопарке. Как-то раз приехало местное ТВ и вопрошает: как это Вы, дескать, совмещаете работу и там, и тут. Да птички, говорю, мне по утрам такой заряд бодрости придают - на целый день! И чуть ли не назавтра режиссер так долго и нудно чего-то объяснял, что я прямо на сцене-то и придремнул! Глаза открыл, а все хохочут - где, говоришь, у тебя этот заряд?

Надежда ХОДАКОВА (душа театра, ярый профсоюзник и вечный двигатель):

- Когда после училища пришла в театр, я совсем не умела смеяться. Получалось какое-то слабое «хе-хе». Тогда один актер в нужный момент неожиданно подкрадывался сзади и начинал меня зверски щекотать. Вот то был смех так смех!

А вот еще случай. В спектакле «Волк и семеро козлят» серый на сцене подгоняет голос и пьет яйца, а потом кокетливо вопрошает зал:

- Ну? Как я пою?

Дети обычно реагируют бурно: «Хорошо!», «Плохо!», «Ника-ак!» А однажды, когда мы выступали в деревне, после волчьего вопроса воцарилась гробовая тишина и раздался одинокий детский голос:

- Хреново!!!

Леонид ЛАЛИЦЫН (на все руки мастер):

- Есть такой актерский афоризм «Главное в кукольном театре - попасть в дырочку!» Чего вы смеетесь? На штативе есть маленькие отверстия, к которым крепятся декорации. И в крошечной темноте нужно попасть точно в цель, чтобы при свете все встало на свои места. А иначе стоять тебе самому вместо штатива!

И еще мне нравится, как деревенские реагируют на наше появление:

- Машка, снимай бельё, артисты приехали!

Или:

- Ну-у, какую картину вы нам покажете?

Ольга СТОРОЖЕВА («НЯНЬКИна» мать и большая выдумщица):

- Собрались мы как-то на спектакль в Дивногорск. Ну, ехали долго, дорога эта серпантинная, то да се... Приехали, ящик с куклами открыли, а там пусто!!! Одни тряпочки. Кукол-то у бутафоров забыли!

А в спектакле «Чуча», когда козел пел о том, какой он плохой, сопливый пацан в первом ряду громко и со вкусом протянул:

- Ну, ты и ка-а-зел!!!

Виктор БУЛГАКОВ (актер в театре новый, но калач тертый и анекдотчик заядлый):

Актера спрашивают:

«В камере сидят Гитлер и режиссер. У тебя пистолет и два патрона, что ты будешь делать?»

- Первым застрелю режиссера!

- А второй выстрел?

- А второй – контрольный, в голову!

Но все это с добрым подтекстом!

Ирина ТАРАДЫМЕНКО (сценарист и вязальщица в одном флаконе):

- А я про директора нашего расскажу! (Голоса за кадром: «Да, да, про директора давай!» Вот она, демократия! - прим. авт.)

В спектакле «Снежный цветок» актеры выступают в роли снегов - на них такие марлевые многослойные накидушки, они кружатся по сцене... На спектакль как-то пришла жена Сергея Бурдо, и он под впечатлением так старательно изображал движение этих самых снегов, что вылетел с пандуса в зал. Потом хотел назад забраться, ать-ать, а ноги-то в чешках на наклонной плоскости скользят - и ни в какую! Зрители изрядно повеселились! Да я и сама однажды чуть не рухнула с высоты, нога, уж было, зависла над пропастью, да вовремя наступила на чье-то плечо. Так что мы акробаты еще те!

Коршунова С. Все люди как люди, а мы - как на блюде! : [о 35-летнем юбилее театра «Золотой ключик»] / С. Коршунова // Сегодняшняя газета - Красноярск-26. - 2000. - 7 дек. - С. 7.